

«Нам легче там работать, когда мы знаем, что здесь, дома, все хорошо!»

Еще полгода назад он – глава Верхнеуринского сельсовета, муж, отец четверых детей и дед троих внуков, а сегодня – участник СВО, и на потом отложены все важные для мирной жизни цели. О своем желании поехать на Донбасс Андрей Григорьев заявил сам, хотя и возраст уже под шестьдесят, и работы много – все же три поселения в его ответственности. Но такое наступило время в жизни страны, и такие решения пришлось принимать многим. Сейчас заканчивается его короткий отпуск с фронта домой, и этот разговор с Григорьевым – перед его возвращением в роту. Что меняется в человеке в экстремальной ситуации, в чем сейчас ответственность каждого, какова цена фейкам и разобщенности и что приблизит нашу победу – об этом наш разговор с **Андреем ГРИГОРЬЕВЫМ**.

Никаких диванных экспертов!

– Андрей Николаевич, почему вы все-таки решили пойти добровольцем?

– А я – доброволец по жизни! Я вот сейчас приехал домой, главы района меня встретили, все же волнуются, переживают: как там, на фронте?

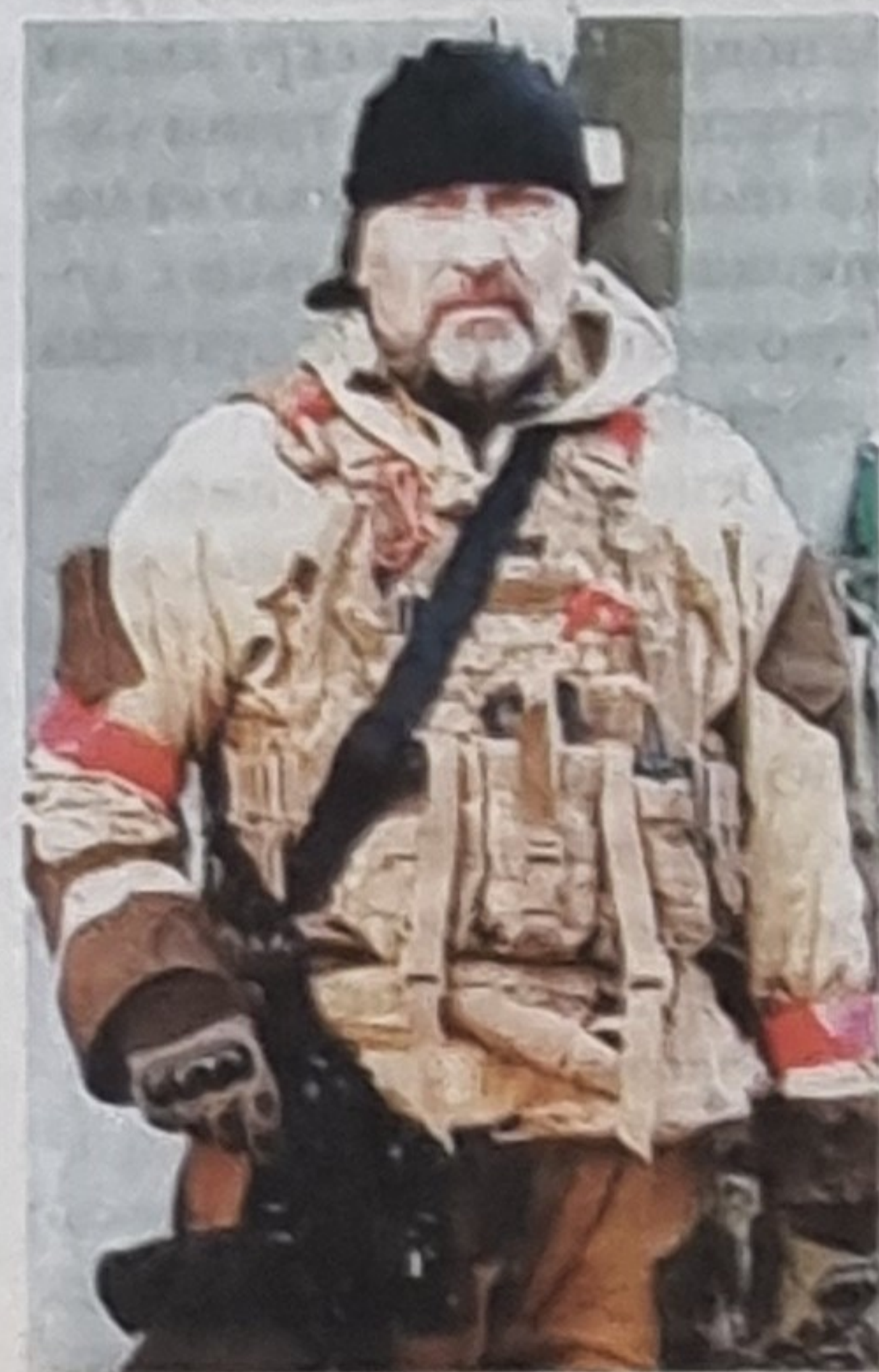
Я на них посмотрел и говорю: ребята, да у вас здесь намного сложнее, чем там! У меня голова сейчас светлая, я оттуда приехал, где нет ни телевизора, ни интернета, никаких скамеечек, на которых бы мы что-то обсуждали и рассуждали, каждый по-своему. У меня сейчас есть четкое понимание, что мы там делаем, за что мы воюем против всего Запада, против всего НАТО – на самом деле! Мы делаем там свою работу.

Важно другое: добиваться, чтобы общество наше стало единым, чем быстрее народ здесь поймет, как все на деле обстоит, насколько все серьезно! Легче и проще нам там будет, когда мы почувствуем стопроцентную поддержку и понимание тех, кто за твоей

спиной остался. А когда встречаешь людей инертных, непонимающих, задающих вопросы, зачем мы туда полезли... Много у нас диванных экспертов, мне даже отвечать не хочется, честно!

Вы, наверное, не знаете, а в муниципалитете, главой которого я являюсь, три поселения и очень много украинцев. 150 лет уже Верхней Уре, люди к нам едут жить. После событий 2014 года приехало много коренных жителей Полтавской области, из западных областей Украины, то же Львова. Не думаете, что эта история их и в Сибири может догнать? Я никому ничего не стал объяснять, это моя позиция, собрался и поехал.

Я в свое время много занимался детьми, готовил, тренировал, руководил военно-спортивным центром. Вот я вам задам вопрос: если в армии отслужил парень, он – защитник или воин? Я – воин, я – военный, а военных бывших не бывает, свое воинское мастерство ты всю жизнь тренируешь, шлифуешь, приобретаешь и пе-

редаешь! Мне многие говорили: куда ты едешь, тебе столько лет, болячки всякие! Я говорю: чем смогу, тем помогу!

Народ и армия – едины?

– Подарки из дома, посылки, письма. Насколько важно для бойцов из Сибири получить такие весточки из дома?

– Все очень важно! Так сложилось, мы с самого первого дня оказались на линии боевого соприкосновения, там нет магазинов, а до второй-третьей линии обороны очень далеко. По рации нам сообщают о доставке. Все идет в дело, все нужно – мед, например! Министерство обороны не будет, извините, заниматься зубными щетками или еще чем-то, а ведь это все тоже нужно, вплоть до спичек, свечей...

Очень дороги письма. У нас замполит лесосибирский, Дима. А мы получили письма от детей из Лесосибирска, честно, я читаю, плачу, и Димка тоже сидит, сопли распустил. Я говорю: давай бери телефон и передавай пофамильно, что-

бы дети понимали, что письма доходят! Все письма доходят, мы получаем их из разных районов Красноярского края.

За доставку гуманитарной помощи, уверен, людей награждать надо. Из Красноярска эти грузы, наряду с другими волонтерами, Максим Бабин возит. А знаете, что значит приехать в Кременную, где днем и ночью летит-взрывается? Это реально достойно награды за смелость. Может, и не надо так рисковать, наша рота на линии соприкосновения – это самый край, но даже там нас отлично обеспечивают, мы не нуждаемся. Чтобы вы понимали, из 318 тысяч мобилизованных реально на линии боевых действий находится, не хочу ошибиться, но думаю, что не больше 10 процентов. Остальные ребята ждут, готовятся, зарплату, кстати, получают, мы им даже немного завидуем по-доброму, но командованию, конечно, общая стратегия виднее!

Отдельное спасибо нашему краевому партийному центру сбора гуманитарной помощи, они тоже регулярно снабжают фронт огромными объемами всего необходимого. Я во время отпуска заехал на партийный склад, переговорил с руководителем центра Иной Александровной Рычковой, поблагодарил за помощь и поддержку. Она лично знакома с нашим сибирским замполитом. В разговоре упомянул, что нам сейчас очень необходима машина УАЗ. И вы не поверите, с ее помощью вопрос решился практически одномоментно. Буквально через два дня мы приобрели уазик, я договорился с ребятами, которые туда как раз выезжать собрались. УАЗ б/у, но двигатель там новый, всего две тысячи километров пробега, коробка новая. Он уже в пути на передовую.

Красноярская рота

– А вы по доброй воле попали сразу на первую линию?

– Честно? Мы все, и даже те, кто сейчас только ожидает, проходит подготовку где-

то в России, в Крыму, – все туда рвутся. Мы как-то заехали в одно такое подразделение, ребята давай спрашивать, говорить, что замучились ждать, что долго их держат на подготовке, – такой порыв!

Я не знаю, специально, что ли, разгоняют в интернете идеи, что бегут с передовой. Вот я в бригаде самый старый по возрасту, по приказу Минобороны я уже могу в любой день написать рапорт и уйти. Мне шестой десяток, а возрастным предел – 50, но я не уйду, никто из наших не уйдет!

Сватово – Кременная, Червона Поповка – места моих боевых участия. Сколько мы там находимся, два часа тишины было, когда не стреляли ни мы, ни противники. Это было 21 февраля, президент наш выступал. Они, оказывается, тоже слушали.

– Много наемников воюют с нашими?

– Мы воюем со всем НАТО, со всем Западом. Это СВО, не принято ее называть войной, но я вам заявляю ответственно: по духу это как Отечественная война!

– Что касается боеприпасов – имеет ли место снарядный голод?

– Эти «мультики» тоже повсеместно разгоняют! Я не знаю, мы точно не «голодаем». По крайней мере, в нашей зоне ответственности я нигде этого не слышал. Конечно, бывают разные случаи. Но я же говорю, за все время не было тишины ни разу. Посчитайте, сколько нужно на группировку, на сутки, на день. Вот что я скажу: напротив нас их стоит больше, чем нас, раз в пять, но мы их бьем! А говорите, снарядный голод!

– Какой настрой у ваших сослуживцев?

– Такой же, как у меня! Пессимистов у нас нет. У нас там все проще. На подготовке нас было 94 человека, зашли в зону действий боевых 89, и то по той только причине, что бы-

– У нас формировался отдельный батальон, единственная рота красноярская – одна на всем фронте. Красноярцев много по всему фронту, но именно как подразделение красноярская рота – одна! Мы очень гордимся, что в нашу роту просятся, слухи летают про нашу боевую роту